

влечен в книге при критическом анализе вульгарного социологизма (гл. XXV) и исследовании первых этапов становления науковедения в СССР (гл. XXVI). Авторы со всей тщательностью и кропотливостью проследили различные направления изучения науки в 20—30-е годы, обратили внимание на перспективные идеи, выдвинутые в работах А. А. Богданова, И. А. Боричевского, Г. А. Грузинцева, Т. И. Райнова и др. Конечно, большого внимания заслуживали труды В. И. Вернадского — выдающегося историка науки и создателя Комиссии по истории знаний. Думается, что пришла пора издать и переиздать науковедческие исследования советских ученых 20—30-х годов, которые оставались неизвестными широкой общественности до выхода рецензируемой книги.

Следует отметить, что в идейной борьбе с контрнаучным движением, в 60—70-е годы весьма популярным в общественном сознании многих капиталистических стран, актуально обращение к ленинской критике романтического-патриархального неприятия достижений науки и техники. Как известно, эта критика развертывалась В. И. Лениным в разных направлениях — в анализе экономического романтизма Ж. Ш.-Л. Сисмонди, «популистских» идей Л. Н. Толстого, в разоблачении идеологии реакционных движений («черносотенства» и др.), идей Пролеткульта и др. Эта сторона ленинского наследия, к сожалению, в полной мере не изучена в книге, хотя она имеет громадное методологическое значение для критики антисциентизма и различных попыток возрождения иррационализма в наши дни.

Факты — кирпичи, из которых строится

наука. Но, как справедливо отмечал Пуанкаре, груды кирпичей не составляет дома. Нужен план-проект, а применительно к науке — теоретическая конструкция, концепция. Это касается и истории науки. Хорошо когда-то сказал об этом О. Ю. Шмидт: «Надо писать не историю ученых, а историю состояния науки, состояние и уровень научной деятельности... И не сводку фактов и дат, а картину развития научной мысли в связи с общей идеологией эпохи и другими сторонами жизни — практикой» (см. «Природа», 1977, № 5, с. 115). Книги Б. М. Кедрова и А. П. Огурцова, посвященные марксистской концепции истории естествознания, — интересные и добротные шаги в создании подобной картины. Однако необходимы и уже сегодня возможны шаги следующие: анализ домарксистских и немарксистских концепций, переход к осмыслению закономерностей развития не только естествознания, но и науки в целом, усиление внимания к комплексному исследованию науки как социально-культурного феномена, разработка обоснованных принципов периодизации развития науки (в том числе в XX в.), фиксирование «узловых точек» в этом развитии, усиление не только описательной и объяснительной, но и прогностической функций историко-научных исследований. Особого разговора заслуживает превращение науки в непосредственную производительную и организующую силу. Хочется выразить надежду, что коллективные усилия в этом направлении, у истоков которых стоял выдающийся ученый Б. М. Кедров, в недалеком будущем принесут новые важные результаты.

В. И. Корюкин (Свердловск)

Р. Б. Добротин, Н. Г. Карпило, Л. С. Керова, Д. Н. Трифонов. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 531 с.

Авторы «Летописи» — опытные историки науки. В основу работы над «Летописью» положен, как отмечается в книге, «новый целостный подход к творчеству великого русского ученого, разработанный доктором химических наук, профессором Р. Б. Добротиным, чья творческая жизнь была теснейшим образом связана с изучением наследия Д. И. Менделеева» (с. 4). Этот подход был обусловлен необыкновенной широтой интересов ученого (авторы называют Менделеева «последним энциклопедистом»), но не в меньшей мере исключительностью его методологии. Эту исключительность подчеркнул еще в 1907 г., после смерти ученого, Л. А. Чугаев, написав: «Он умел быть философом в химии, в физике и в других отраслях естествознания, которых ему приходилось касаться, и естествоиспытателем в проблемах философии, политической экономии и социологии. Он умел внести свет науки в задачи чисто практического характера и приблизить к

жизни теорию, находя для нее возможности использования и различных приложений» (Д. И. Менделеев: жизнь и деятельность. Л., 1924, с. 15—16).

В основу замысла работы было положено не только стремление возможно более детально и точно проследить жизненный путь Менделеева, но и вскрыть сущность и логическую связь основных направлений научной, практической и общественной деятельности ученого. Реализации этого замысла помогла разработка логической структуры творчества ученого. Представленная в предисловии к книге в виде графической схемы, она является своеобразным ключом к книге, показывая тесное переплетение проблем, которые занимали ученого и нередко разрабатывались им в разное время. Эта структура характерна тем, что она подчеркивает необычайно злободневную особенность его творчества: ориентированность на реализацию в практике достижений фундаментальной науки. По существу вся деятель-

ность Менделеева основана на его фундаментальных исследованиях в области периодического закона, органической химии, свойств растворов и гидратов, газов и жидкостей, силикатов и минералов, форм соединений и т. п. Но эти работы имели своим неизбежным и логическим продолжением прикладные исследования, технологические и технические разработки. Последние также логически приводили ученого к размышлениям о месте технических нововведений в жизни, а следовательно, к проблемам экономическим, просветительским и философским.

Авторы отмечают семь основных направлений деятельности ученого, каждое из которых разрабатывалось в соответствии с вышеизложенным принципом. Это следующие направления: 1) периодический закон, педагогика, просвещение; 2) органическая химия, учение о предельных формах соединений; 3) растворы, технология нефти и экономика нефтяной промышленности; 4) физика жидкостей и газов, метеорология, воздухоплавание, сопротивление среды, кораблестроение, освоение Крайнего Севера; 5) эталоны, вопросы метрологии; 6) химия твердого тела, технология твердого топлива и стекла, металлургическая и каменноугольная промышленность; 7) биология, медицинская химия, агрохимия, сельское хозяйство. Авторы указывают, что при этом отдельным направлениям «отвечает не одна тема, а некоторая логическая цепочка родственных тем — своеобразный „поток научной деятельности“, ориентированный в определенном направлении; цепочки не являются вполне изолированными, между ними имеются многочисленные связи» (с. 12).

Такой подход методологически сложен, а поэтому редок. Преодоление внешние противоречивых задач — представления событий в их хронологической последовательности при одновременном их логикотематическом анализе — серьезный методологический и методический вклад в историю естествознания, хотя решение этой задачи выглядит традиционно — составление хронологической части «Летописи» и комментариев к ней.

Хронологическая часть исключительно полна. Читатель в ней найдет описание (с указанием дат по дням или более или менее коротких промежутков времени) всех основных событий жизни ученого: его научные открытия, доклады, участие в заседаниях или дискуссиях, работа в лабораториях, работа над рукописями, выход книг или статей, путешествия, встречи, почетные награды, события семейной жизни и мн. др. Комментарии творчески до-

полняют хронологию, так как отдельные и немаловажные события не всегда возможно точно датировать.

Состоящая из 13 разделов «Летопись» представляет собой не только (благодаря разработанным подходам) периодизацию жизни ученого, но и периодизацию научной жизни России конца XIX — начала XX в. Это не просто историко-научный труд, но ценнейший источник, к которому будут прибегать не только историки химии или историки естествознания в целом, но и историки культуры России, ученые, занимающиеся ее гражданской историей.

Последнее особенно ярко представляется благодаря приложениям, содержащим дополнительные сведения о семье и родственниках Д. И. Менделеева, о его имени, иконографии, о признании международного научным сообществом его деятельности.

Но значение «Летописи» как источника представляется совершенно особым благодаря использованию материалов, которые могут рассматриваться как автобиографические. Авторы отмечают присущий лишь гениям «творческий автобиографизм» Менделеева и не обходят вниманием открывающиеся возможности использования всех проявлений этого «автобиографизма»: составление автокомментариев к трудам, записные книжки (в Музее-архиве Д. И. Менделеева хранятся 53 записные книжки и 96 рабочих тетрадей). Менделеев собрал и систематизировал важные, с его точки зрения, документы за 1855—1907 гг., а также прокомментировал их. Эти документы собраны в четырех альбомах, и общее число их равно 2083. Все эти реликвии, а также многое другое, о чем просто нет места рассказать, стали предметом пристального изучения авторов «Летописи».

Таким образом, «Летопись» является и своеобразным руководством для историков естествознания, наглядным пособием, как надо качественно и продуктивно работать с первоисточниками. Знакомство с этим изданием наводит на мысль о необходимости начать работу по составлению хрестоматии по истории естествознания, которая содержала бы тексты, образцовые с точки зрения методики и методологии их создания. Такая хрестоматия с пояснительным текстом могла бы быть прекрасным учебником для начинающих историков науки, инструментом той преемственности в исследованиях, которая знаменует расцвет любого научного направления, любой научной школы.

А. Н. Шамин